

О.В. Терешина

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ
В ОСВЕЩЕНИИ ОРЛОВСКОЙ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»
(1941–1944 гг.)

В статье анализируются материалы на религиозную и церковную тематику, опубликованные в коллаборационистской газете «Речь», выпускавшейся в Орле и распространявшейся на временно оккупированной территории в 1941–1944 гг. Главное внимание уделяется раскрытию тематических линий, стилистических приемов и пропагандистской направленности статей о религиозной жизни населения и деятельности Русской православной церкви в период оккупации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, немецко-фашистский оккупационный режим, Русская православная церковь, периодическая печать, коллаборационизм, антисемитизм, Орел.

Коллаборационистские периодические издания, выходявшие в годы Великой Отечественной войны на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории СССР стали в настоящее время весьма востребованным источником при изучении оккупационного режима¹. Их используют для исследования конкретных сторон жизни при оккупантах (в частности, политических настроений населения² и религиозной жизни³) и деятельности отдельных коллаборационистских организаций. Началось и изучение коллаборационистской прессы как исторического источника⁴.

Выходившая в период оккупации в Орле газета «Речь» интересна исследователям именно тем, что широко освещала религиозную жизнь и положение РПЦ в условиях оккупационного режима.

«Речь» выходила 3 раза в неделю с 5 декабря 1941 г. и стоила 15 коп., а с 28 мая 1943 г. – 50 копеек. С декабря 1941 г. газета выпускалась с подзаголовком «Издание полевого подразделения

№ 06836» и на одной странице. 7 января 1942 г. вышел впервые номер на лист, с 8 февраля 1942 г. «Речь» стала постоянно публиковаться на двух, а с 1 марта 1942 г. – на четырех листах. С 1 февраля 1942 г. подзаголовок о полевом подразделении убрали. Ради значительных событий делали 8 листов: например, 3 февраля 1943 г. вышла публикация «Десятилетие прихода национал-социализма к власти», 5 февраля 1943 г. представлена большая речь Геббельса, посвященная тому же событию. Сатирический листок «Жало» существовал как ежемесячное приложение к газете «Речь» и предлагал читателям фельетоны, анекдоты, карикатуры.

Редактором «Речи» с 15 марта 1942 г. был Михаил Октан.

Первое упоминание о религиозной жизни появилось в номере за 27 февраля 1942 г., где в выделенной рубрике «Церковная хроника» было дано расписание богослужений в сохранившихся церквях города (Кафедральный Богоявленский собор, Афанасьевская и Крестительская кладбищенские церкви, Никитская церковь), а также объявление, что «запись детей, желающих обучаться закону Божьему, продолжается»⁵. Следующее упоминание было сделано в выпуске от 6 мая 1942 г.: сообщалось об обычных событиях церковной жизни («происходят богослужения», «совершаются литургии», «огромное стечение молящихся наблюдалось»⁶). В выпуске от 14 июня 1942 г. в разделе «В освобожденных областях» дали заметку об иконописной мастерской в Клинцах и богословских курсах в Днепрпетровске.

Значительные временные промежутки между публикациями на религиозную тематику были характерны для «Речи» и в 1943 г. В номере от 7 января 1943 г. дан большой материал про Рождество. Следующее упоминание от 10 февраля 1943 г.: об освящении храма в с. Архангельское⁷.

Рождеству и Пасхе 1943 г. в «Речи» посвящен большой материал. И одновременно в майском номере дано поздравление «редакции... с праздником освобождения труда – 1 мая». Сделано это было целенаправленно: для лучшего восприятия читателями редакция пыталась сохранить советскую тематику и одновременно подчеркнуть произошедшие изменения. Так, было указано, что «уже второй год население освобожденных от жидо-большевизма областей празднует 1 мая с совершенно иными чувствами»⁸. Подразумевалось, что это – новый труд при новых властях, на новых условиях.

Чтение материала замещало незнание читателями реальной обстановки выгодной для оккупантов идеологической картинкой. Раздел религиозной жизни общества являлся для этого благодат-

ной почвой. Религиозную картинку давали при отсутствии нужной информации из других тематических разделов или приурочивали к соответствующему празднику, что и обуславливало периодичность ее появления. Религиозные темы перемежались историческими фактами, которые при Советской власти замалчивались.

Материал давался по нескольким тематическим направлениям. Первое и самое обыденное направление – это освещение рядовых фактов церковной жизни. Так, в отдельной рубрике «Церковная хроника» предлагалось расписание богослужений в сохранившихся церквях Орла, а в подрубрике «В епархиальном управлении» перечислялось, сколько, когда и кем было отремонтировано и освящено церквей в епархии. На Пасху 1942 г. «Речь» констатировала, что «прихожане деятельны. Церкви благоустроены», и делала обязательный реверанс в пользу оккупантов: «с помощью немецких военных властей... осуществляется благоустройство города»⁹.

Несколько простых фраз о хоре певчих, проповедях настоятеля и «громадном стечении верующих» предлагались к чтению в заметке «Богослужение в Богоявленском соборе», опубликованной 10 января 1943 г. «Празднование Благовещения... напомнило прежние времена», а собор был «переполненным множеством молящихся». К одному этому предложению можно свести все содержание заметки о празднике Благовещения в выпуске газеты за 9 апреля 1943 г.¹⁰ Автор создавал типичную картинку, в которой не было подробностей и высокохудожественных приемов. Цель таких новостных заметок состояла в том, чтобы занять место в газете и в нужном свете представить возрождение религиозной жизни, начавшееся с приходом немцев.

На Рождество в г. Клетне в школах «красиво убрана... елка», «программа художественных выступлений была жива и разнообразна», «розданы премии в виде литературы»¹¹. Также «интересно прошли рождественские дни в Белых Берегах, Большом Полпине, Супоневе, Коростовке, Глинищеве, Теминичах»¹². Большое перечисление населенных пунктов не сопровождалось развернутым рассказом о том, что же было «интересно». Очевидно, предложенное к чтению не соответствовало действительности. Не очень верилось, что «районные управы... выделили материальные и денежные средства для приобретения... подарков и угощения», а школьники «не раз вспомнят о веселом отдыхе... поблагодарив от души устроителей праздника»¹³.

Использование придуманной новостной картинки из религиозной жизни активно практиковалось газетой все месяцы ее издания. Так, в статье «Воскресный день в Бежице» 29 января 1943 г.

И. Новосильцев пытался одновременно представить и типичный, и особенно счастливый после прихода немцев день в этом городе Брянской области. Изображение повторяющегося из недели в неделю выходного давалось только благостное и праздничное, что и предлагалось как рядовая новость: «опять зазвонили церковные колокола», «крестьянские обозы... везут на базар... картофель, хлеб, молоко, мясо», «подбодрил праздничное настроение в городе свадебный обоз»¹⁴. Так изображалась процветающая, мирная, счастливая жизнь.

Редакция не забывала и о саморекламе («группы молодежи читают свежие номера газеты “Речь”») и о пропаганде в духе идеологии оккупантов («мы застали девушек за чтением брошюры “Что такое национал-социализм?”») ¹⁵.

Номер «Речи» от 28 апреля 1943 г. почти всем своим содержанием был посвящен празднику Пасхи. В номере дана заметка «Заутреня в ...Церкви», уже своим названием претендующая на преподнесение обычности новой религиозной жизни. Основными мотивами публикации являлись изображение нового счастья («лица радостные и одновременно торжественно-сосредоточенные», «лица у всех ласковые и радостно-просветленные»), массовой религиозности («внутренность храма переполнена»), резкого отличия от страшных, но прошедших времен и блестящих перспектив (прошли «тягостные времена большевизма», «все дело будущего») ¹⁶.

Преподнесение «ободряющих» новостей являлось еще одной тематической линией в статьях о религиозной ситуации на оккупированной территории. Часто заголовки содержали слова «первый», «новый», а заметки с такими заголовками перепечатывались в газетах разных издательств. Видимо, в реальности позитивных известий было мало.

Сообщение в «Речи» от 23 октября 1942 г. «Первые монастыри в освобожденных областях» было скопировано из № 102 газеты «Новый путь» (Смоленск), а та, в свою очередь, давала информацию по Новгороду. С тем же названием сообщение было дословно воспроизведено в «Новом времени» (Вязьма) от 11 ноября 1942 г. Из «Нового пути» № 104 была позаимствована «Речь» (номер от 1 ноября 1942 г.) и заметка «Новый молитвенник». Последний назван «первой ласточкой возрождения церковно-религиозной литературы» и «доказательством того, что германская армия несет с собой свободу русскому народу в делах веры» ¹⁷. Редакции либо «списывали» друг у друга материал, либо получали их «циркулярно» из какого-то одного органа пропаганды.

Новости о религиозной жизни часто приходили из далеких от редакции областей. Так, «Речь» от 14 июня 1942 г. дала информацию о перспективах открытия богословских курсов в Днепропетровске, «которые будут готовить священнослужителей для периферии Украинской автокефальной церкви»¹⁸. Под «периферией» понимался и сам город Орел.

Новостью из церковной жизни стала организация Смоленского епархиального комитета по религиозно-нравственному просвещению в марте 1943 г., чему посвящена статья в «Речи» от 10 апреля 1943 г. Она опять же являлась перепечаткой из № 26 газеты «Новый путь» (Смоленск) и давала информацию о работе с сентября 1942 г. «небольшого кружка... смоленских интеллигентов», переросшего впоследствии в «Смоленский Епархиальный Комитет по нравственному просвещению»¹⁹. Были указаны направления его работы: религиозные радиодоклады, издание сборника молитв, стихов, публикации в газетах на религиозные темы, «популярные доклады в церквах», «организация двух передвижных библиотечек религиозной литературы», «духовные концерты»²⁰. Масштабы деятельности комитета преувеличивались: 15 тыс. экземпляров сборников молитв, как это провозглашалось в заметке, в оккупированном Смоленске вряд ли возможно было издать. Предполагалось создать целую образовательную систему «церковно-приходских комиссий по религиозно-нравственному просвещению» во главе с епархиальным комитетом²¹. Было ли это осуществлено, в газете не указывалось.

Одной из немногих подлинных новостей явилось открытие в Орле в октябре 1942 г. духовной школы, где слушатели «делали учебные успехи», сдавали зачеты по «догматическому богословию, церковному уставу, пению, методике преподавания Закона Божия... апологетике»²². В пику советскому прошлому и в прославлении оккупационного настоящего приводилось восклицание автора статьи: «Могли ли мы лет пять тому назад думать об открытии духовной школы?»²³.

Тематической линией в статьях, опубликованных в «Речи», как и в других коллаборационистских газетах, посвященных религии, было представление личностей-героев или групп страстотерпцев. «Речь» 9 декабря 1942 г. в статье «Епископ Печорский» давала отдельные факты из жизни этого мученика. Источник сведений не назывался, а события происходили в Прибалтике – далеко от орловской редакции, что позволяло заместить литературными приемами многое из реальности. Дана не богослужбная практика (проповеди, разногласия с Синодом Эстонской Церкви,

учебные выезды за границу, взгляды на церковный стиль) епископа Печорского Иоанна (Булина), действительно арестованного НКВД и расстрелянного в 1941 г., а нарисован образ мученика, пострадавшего от безбожной Советской власти, но сумевшего все преодолеть. Создан образ «старика с кроткими и ласковыми глазами», который был «всеми любимым и обожаемым пастырем», не испугался угроз большевиков и «ушел ...с поднятой головой»²⁴. Этому герою противопоставлен типаж «жида-следователя», а также сестры епископа, которую «обратило в большевизм знакомство с видным комиссаром»²⁵.

Такой же героиней была представлена игуменья Христиана, «пример душевной бодрости и силы», в 99 лет возглавившая новый монастырь в г. Вырица Ленинградской области. Информацию о ней дословно перепечатывали друг у друга «Новое время», «Новый путь» и «Речь».

Важнейшей тематической линией, центральной в церковной подборке, присутствовавшей в той или иной мере во всех статьях, было сравнение религиозной жизни в советский период и во время оккупации. Положение об освобождении практики вероисповедания, о не «провозглашенной на бумаге», а «подлинной свободе совести», установленной немцами, – предмет большинства изложений и рассказов. Смысл и пафос их был прост: все страшное осталось позади и впереди только счастливое церковное будущее. Отображение счастья на фоне прошлых лет страха, безысходности приурочивалось традиционно к какому-то религиозному празднику.

«Речь» от 7 января 1943 г. поздравляла читателей с Рождеством Христовым и вся была ему посвящена. «Из мрака к свету» – так метафорически была названа статья, описывающая «страдания верующих в СССР»²⁶. Множество метафор, эпитетов, сравнений использовано для изображения того, как резко к лучшему изменилась церковная жизнь с приходом немцев. Если ранее были «страшная печаль безнадежности», «гробовое отчаяние», было «заплевано само звание человек», то теперь «новые крестоносцы, сокрушающие власть кремлевского “змия”, извлекли нас ...[из] могилы», а «потерянное счастье открыто»²⁷. Текст полон восклицательных знаков, изложение очень иносказательно, автор избегает конкретики в описании места и времени, не называет фамилий.

Использование множества литературных приемов одновременно с избеганием конкретики и подробностей описания места, времени и фамилий, вообще отвлеченность сюжета – характерный стиль многих публикаций коллаборационистских газет.

Статья «Радость праздника» в том же номере начиналась с обвинений в адрес Советской власти: большевики «не щадили религиозных чувств народа», а «большевистская власть всеми силами искореняла религиозное чувство»²⁸. Большая часть публикации посвящена изложению библейских событий: ясли, младенец, пастухи, дева Мария. Судя по всему, сотрудники редакции газеты видели в своих читателях обывателей, которые не претендуют на научные трактатовки и готовы читать примитивный, всем известный материал. Праздник был назван «днем радости всех христианских народов мира», и этим делался намек на эквивалентность русской и немецкой религиозных традиций. Общность оккупантов и населения пытались подчеркнуть и фразой, что «германская армия радуется вместе с нами... участвует в нашем религиозном торжестве», вследствие чего «рождаются... новые взаимоотношения по духу учения Христова»²⁹. В общем, статья эта – рассказ для детей с цитатами из Евангелия, простым изложением сюжета, картинкой елки и вдобавок с объявлением, что 7 января – нерабочий день.

Как правило, в статьях делали упор на ужасы прошлого, а не на описание преимуществ оккупационного режима, которые часто необходимо было придумывать. Так, без демонстрации «прелестей» настоящего в «Размышлениях в рождественские дни» описана антирелигиозная кампания, в ходе которой «иудеи действовали... устрашением», «следили за всем агенты НКВД» и захлебывались, «брызжа зловонной слюной, глашатаи иудо-большевистской мерзости»³⁰. Эта «красочность» фразеологии заменяла конкретное сравнение религиозной жизни в Орле при Советской власти и при оккупантах, которое было явно неполным и, вероятно, не могло убедить местных жителей в однозначных преимуществах оккупационного режима.

Подспудные призывы поддержать оккупантов и установленный ими режим можно обнаружить в заметке «Праздник Рождества Христова в лагере военнопленных», опубликованной в номере «Речи» от 7 января 1943 г. Самым положительным событием в жизни военнотружущего Красной армии представлена сдача в плен, где в праздник можно побывать «на концерте в городском театре, организованном германским командованием» и думать как «отомстят... за свой народ, стонущий под игом жидовим, за веру свою православную»³¹. По всей видимости, редакция рассчитывала, что номер этот будет распространяться немцами в этом лагере, а потому попытались направить пропагандистский запал статьи именно на пленных.

Призыв к пленным записываться в добровольческие подразделения германской армии прослеживался в заметке «Рождество в воинских частях» (номер «Речи» от 22 января 1943 г.), согласно которой «русские добровольцы встречали сочельник» «в одном здании с германскими солдатами»³². Как и во многих других подобных публикациях, в заметке подчеркивается морально-политическая и культурная близость населения и оккупантов: «оркестр из германских солдат-музыкантов, исполнявших русские музыкальные вещи»³³.

Воины же Красной армии, в данном случае – летчики, изображались извергами и чудовищами, совершающими «бесчеловечные акты советского воздушного разбоя», а пострадавшее от них население могло лишь организовать «день поминовения безвременно погибших от советских бомб»³⁴. При этом Русская православная церковь и нравственные основы православия использовались для нравственной оценки «преступлений» Красной армии, для изображения «злодеями» защитников своего Отечества, а не оккупантов.

Таким образом, центральную линию демонстрации контраста религиозной жизни в советский период и во время оккупации реализовывали в статье тремя смысловыми наборами.

Первый – традиции и обращение к старым временам: «традиционный обряд крестного хода г. Карачева в Одрино-Никольский монастырь»³⁵, «в разноцветных костюмах люди, благоговейно несущие образа»³⁶. Целенаправленно проводилась и укреплялась в сознании читателей связь между дореволюционной Россией и оккупационным временем через употребления словосочетаний: «стародавние времена», «как и в добрые старые годы»³⁷, «напоминает что-то отдаленное»³⁸.

Второй – изображение эмоционального всплеска («слезы радости»³⁹, «необычайный подъем религиозного чувства»⁴⁰, «как сильно чувство русского человека ко Всевышнему!»⁴¹, «изголодавшиеся духовно»⁴²). Одновременно демонстрировалась массовая поддержка организуемым церковным мероприятиям («церковь так переполнена, что немисливо даже протиснуться»⁴³, «и старые, и молодые коленопреклоненно вникают... молитвам»⁴⁴, «храм ломился от народа»⁴⁵).

Третий – самый богато и образно представленный – сравнения советского антирелигиозного «кошмара» и нынешней «свободы вероисповедания», набор благодарностей немцам, избавителям от ужасного «большевистского ига». Из этого делалось заключение: «Таких гонений, каким подвергалась религия в годы

владычества большевизма... история не знала», но теперь «мы не боимся и не прячемся», ибо «никогда уже не вернутся на нашу землю темные силы»⁴⁶.

Редакция газеты «Речь» имела немалые основания для того, чтобы быть уверенной в особой успешности своих пропагандистских усилий именно на ниве проклятий в адрес советского антирелигиозного «кошмара».

Действительно, провозглашение в 1932 г. «пяtilетки безбожия», всеобъемлющие гонения на РПЦ и использование различных средств борьбы с ней (от провокаций церковных расколов до физического уничтожения священнослужителей накануне Второй мировой войны) практически уничтожили институт Московского патриархата. Еще в конце 1930-х гг. на большей части территории РСФСР были упразднены епархии, репрессированы их архиереи. К 1941 г. РПЦ имела 3732 действующих храма, причем 3350 из них находились на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг.; к 1938 г. не осталось ни одного официально действующего монастыря⁴⁷. С начала войны на оккупированных территориях РСФСР открылось 2150 храмов: в том числе, 108 – в Орловской области⁴⁸. С октября 1941 г. по апрель 1942 г. в городах и селах Орловской епархии было отремонтировано до 20 церквей, проверено и допущено к служению 12 иереев в г. Орел и до 20 – в городах и селах епархии. Однако это было не поощрением или помощью в восстановлении религиозной жизни со стороны оккупантов, а отсутствие препятствий к ее возрождению: все было осуществлено по инициативе и руками местных жителей.

Особой тематической линией в статьях коллаборационистских газет – и орловская «Речь» не была исключением, – посвященных церкви, можно считать указание на «виновного во всех грехах» – евреев. Иудейское вероисповедание и учение марксизма были связаны (марксизм – «мировоззрение, ставшее для многих религией»), и был найден «главный преступник – К. Маркс («еврей, соединявший в себе... животный эгоизм, люютую ненависть, стремление осквернить признанные идеалы и ненасытную жажду власти»)»⁴⁹. Ничего конкретного из экономического учения («пресловутая теория о прибавочной стоимости») не приводилось, однако утверждалось, что классовая теория «влила ненависть в сердца людей»⁵⁰.

Марков, автор статьи «Талмуд и безбожие», опубликованной в номере «Речи» от 15 января 1943 г., пытался не только найти врага, но и натравить разные вероисповедания друг на друга: «Большевистская пропаганда имела наглость утверждать, что она борется одинаково со всеми религиями... Но каждый житель Советского

Союза... знал из практики, что жидовство не преследовалось... си-нагоги существовали, раввины процветали»⁵¹.

Талмуд объявлялся «программой подлости, кровожадности и человеконенавистничества», которая «призывает жидовство к уничтожению всего, созданного трудом народов»⁵². Конкретных примеров в обоснование этого утверждения автор не приводил, соответствуя стилю бездоказательности и голой пропаганды, характерной для всех подобных публикаций. В то же время Марков претендовал на объективность и предлагал сопоставить «не с религиозной, а с общечеловеческой точки зрения» советскую «антирелигиозную литературу» – журнал «Безбожник» и «Талмуд»⁵³. В его сравнении нет выдержек из текста и их анализа – одни голословные утверждения. Вывод его свелся к тому, что советская, марксистско-ленинская идеология ничего новаторского, оригинального из себя не представляет: «Советское безбожие... просто повторяло Талмуд»⁵⁴.

Для повышения заинтересованности читателей была использована тематическая линия русской церковной истории. К этой истории обращались авторы научно-популярных статей, доступных пониманию всех читателей. Так, предлагались сведения о порядке исчисления даты праздника Пасхи⁵⁵, о «Пасхальных обрядах и обычаях на Руси»⁵⁶. Рубрика «Наш календарь», появившаяся в газете «Речь» с 9 апреля 1943 г., еженедельно предлагала перечень церковных событий, которые пытались связать с историческими фактами. Наряду с религиозными датами в рубрике представлялись события из истории нацистской Германии, чем пытались внедрить в сознание населения представление о «родственности» двух стран. Так, 20 апреля – «преподобный Георгий», именно в этот день, в 1889 г., родился «фюрер германского народа Адольф Гитлер»⁵⁷.

Подводя итог, отметим, что статьи на церковно-религиозную тему, опубликованные в орловской газете «Речь», отличались стремлением навязать читателю, внедрить в сознание населения убежденность в том, что религиозная жизнь в условиях немецко-фашистской оккупации значительно активизировалась. Для изображения резко изменившейся с приходом оккупантов к лучшему религиозной жизни авторами статей использовались множественные художественные приемы, однако все они избегали конкретики в своих журналистских описаниях. Это может свидетельствовать только об одном: став частью немецко-фашистской пропагандистской машины, они гораздо чаще живописали придуманное, чем то, что в действительности имело место на оккупированной территории.

Примечания

- 1 *Хасс Г.* Германская оккупационная политика в Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 105–120; *Ермолов И.* Три года без Сталина: Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками, 1941–1944. М., 2010.
- 2 *Федорова З.А.* К изучению политических настроений населения Калининской области во время немецко-фашистской оккупации // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 127–137.
- 3 *Корнилов А.А.* Преображение России: О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Н. Новгород, 2000; *Шкаровский М.В.* Крест и свастика: Нацистская Германия и православная церковь. М., 2007; *Перельгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). Орел, 2008.
- 4 *Грибков И.В.* Коллаборационистская пресса на оккупированных территориях СССР (1941–1945 гг.) // Отечественные архивы. 2007. № 6. С. 60–71; *Грибков И.В., Молчанов Л.А.* Русские газеты на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 143–154.
- 5 Речь (Орел). 1942. 27 февр.
- 6 *Русанов В.* В церквях города Брянска // Речь. 1942. 6 мая.
- 7 Речь. 1943. 10 февр.
- 8 Там же. 1 мая.
- 9 *Русанов В.* В церквях города Брянска.
- 10 Праздник Благовещения // Речь. 1943. 9 апр.
- 11 *Русанов В.* Рождественская елка в деревнях // Там же. 22 янв.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 *Новосильцев И.* Воскресный день в Бежице // Речь. 1943. 29 янв.
- 15 Там же.
- 16 *Горовой Л.* Заутреня в ... Церкви // Речь. 1943. 28 апр.
- 17 Новый молитвенник // Там же. 1942. 1 нояб.
- 18 Речь. 1942. 14 июня.
- 19 Там же. 1943. 11 апр.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 *Баранов Н.* На пастырских курсах // Речь. 1943. 28 апр.
- 23 Там же.
- 24 Епископ Печорский // Речь. 1942. 9 дек.
- 25 Там же.
- 26 Из мрака к свету // Речь. 1943. 7 янв.
- 27 Там же.

- 28 *Булгаков Д.* Радость праздника // Речь. 1943. 7 янв.
29 Там же.
30 *Самарин Вл.* Размышления в рождественские дни // Речь. 1943. 7 янв.
31 Праздник Рождества Христова в лагере военнопленных // Там же.
32 *Якименко П.* Рождество в воинских частях // Там же.
33 Там же.
34 День скорби // Речь. 1943. 7 апр.
35 Церковная жизнь в Карачеве // Там же. 22 янв.
36 *Баранов Н.* Ход с иконами // Там же. 28 апр.
37 *Вечернин Н.* Крестный ход // Там же. 22 янв.
38 В храме // Там же. 4 июля.
39 Церковная жизнь в Карачеве // Там же. 22 янв.
40 В Богоявленском соборе // Там же. 28 апр.
41 *Далев Н.* В Афанасьевской // Там же.
42 В храме // Там же. 4 июля.
43 В Богоявленском соборе.
44 *Н.В.* Троицын день // Речь. 1943. 16 июня.
45 В храме.
46 *Весенин А.* Христос воскрес из мертвых. Светлая заутреня // Речь. 1943. 25 апр.
47 Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2008. С. 8.
48 *Шкаровский М.В.* Германская церковная политика и «религиозное возрождение» на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России // Материалы ежегодной богословской конференции ПСТБИ. М., 1997. С. 192.
49 Еврейство и марксизм // Речь. 1943. 3 янв.
50 Там же.
51 *Марков.* Талмуд и безбожие // Речь. 1943. 15 янв.
52 Там же.
53 Там же.
54 Там же.
55 *Варушкин.* Как исчисляется время празднования Пасхи // Речь. 1943. 20 апр.
56 *Н.В.* Пасхальные обряды и обычаи на Руси // Там же.
57 Наш календарь // Там же.